

УДК 82=161.1(476)

ПЕРСОНОЦЕНТРИЗМ В ПОВЕСТИ АНАТОЛИЯ АНДРЕЕВА «ВСЕЛЕННАЯ НЕ МЕСТО ДЛЯ ПЕЧАЛИ»

Романова Светлана Викторовна

аспирант учреждения образования «Витебский государственный
университет имени П. М. Машерова»

(г. Витебск, Беларусь)

Ключевые слова: А.Н. Андреев, персонцентризм, любовь, свобода, бесконечность.

Концепция философского персонцентризма современного ученого и русскоязычного автора Беларуси А.Н. Андреева реализуется на всех уровнях художественного текста «Вселенная не место для печали». Свое преломление она получает в категориях Бесконечность–Свобода–Любовь. Анализ произведения в персонцентрической парадигме позволяет сделать вывод о тождественности понятий «бесконечность», «свобода», «любовь»: бесконечность есть любовь (познать бесконечность можно только через любовь), любовь есть свобода (познать любовь может только человек свободный по духу – личность).

Анализировать произведения талантливого современного писателя А.Н. Андреева вне его концепции персоноцентризма не имеет смысла. Дело в том, что А.Н. Андреев известен как ученый, теоретик-литературовед, культуролог, философ, поэтому начало концептуальное в его творчестве значит очень многое. Оппозиции «человек-личность», «культура-личность» – главные проблемы творчества этого замечательного русскоязычного автора Беларуси.

Организирующим ядром повествовательной стратегии автора является рассудительное, логизированное, «разумное», по словам писателя, отношение к действительности. В учебном пособии «Целостный анализ художественного произведения» А.Н. Андреев называет фактор, определяющий формирование личности: «Культ личности предполагает культ разумного отношения, культ познания и отвергает культ бессознательного приспособления как способ познания мира» [2, с. 21]. В этом отношении теоретика и философа литературы можно назвать приверженцем объективно-идеалистического рационализма, который логические законы признает единственной движущей силой прогресса и развития бытия. Дух в таком понимании рассматривается исследователем как отождествление разума, логоса.

Признавая научную ценность и обоснованность философии персоноцентризма, мы все же расходимся в понимании ключевого понятия – «дух», который, по мнению А.Н. Андреева, развивая в человеке безграничные возможности к познанию, может культивировать в нем личность. Категории «дух», «духовность» чаще всего являются предметом богословского учения. Кому-то покажется парадоксальным утверждение: «сердце ... есть орган общения человека с Богом, а, следовательно, оно есть орган высшего познания» [3, с. 10]. Немало подтверждений этому мы находим в Священном Писании: «Для чего вы мыслите худое в сердцах ваших?» (Мф., 9,4); «Но дал вам Господь сердца, чтобы разумыть» (Втор., 29,4) и др. Приведем для примера еще одно высказывание святого Луки, оперирующего околонучными и научными фактами в своем труде по апологетике «Дух, душа, тело»: «... мы привыкли смешивать понятия ум и дух. Ум, конечно, не дух, но лишь выражение, проявление духа» [3, с. 19]. «Духовную энергию», по мысли архиепископа, известного врача-хирурга Луки Войно-Яснецкого образует «всемогущественная любовь Божественная» [3, с. 9].

Приступая к анализу художественного произведения А.Н. Андреева «Вселенная не место для печали», мы хотели бы предложить свою трактовку понимания «духа» в его классической триаде «дух-душа-тело», которая находит подтверждение в повести автора. По нашему мнению, «вочеловечивание» человека происходит не только развитием в себе рационального, сознательного начала, но и предполагает развитие иной тонкой субстанции – подсознания. Этот невидимый никому рычаг часто выступает внутренним регулятором совести человека, обеспечивает движение духовных сил. «Обожение» разума

вне его тесной, а порою – определяющей, связи с «подсознанием» представляет неполную картину о понимании «духа». Нам представляется важным обратить внимание именно на эту бесконтрольную, неподдающуюся никаким логическим объяснениям связь всего сущего на Земле с Логосом, Словом.

До развития основного сюжета в повести «Вселенная не место для печали» читателю предлагается небольшой отрывок, который, по всей видимости, можно назвать предисловием и который имеет концептуальное значение в художественной ткани произведения. Мы еще не знакомы с главным героем, но уже можем предугадывать его духовный портрет: «Ему чудилась пугающая своей безмерностью черная вселенная, униженная рождественской россыпью сверкающих звезд, испускающих холодный режущий блеск» [1, с. 192]. Неброская антитеза «рождественская россыпь сверкающих звезд» и «холодный режущий блеск» как противоборство двух стихий – сердечного, божественного, вечного и рассудительного, четкого, преходящего. Космогоническая образность как апперцепция указывает на духовное и разумное начала в герое, признающего логический порядок и организованность в устройении бесконечной и совершенной Вселенной. В этой связи Вселенная как некий превосходящий, идеальный тип бытия открывает множество безграничных возможностей человеку для раскрытия духовного потенциала, для обретения внутренней полноты и гармонии, любви. Однако «пугающая своей безмерностью черная вселенная» определяет еще одно свойство нашего героя – чувство незащищенности, отчужденности, одиночества.

Повествование строится от лица автора, представляющего читателю главного героя повести – Германа Титова, названного в честь космонавта, который мог бы быть первым, совершившим полет в космос. В этом «мог бы...» есть какая-то грустная ирония, отличающая мужскую прозу А. Андреева. Умный и талантливый художник Герман Титов, к сожалению, признан только «мировым сообществом» космонавтов. В личной жизни герой одинок: от него ушла жена, «оперившийся» единственный сын вырос и также покинул «родное гнездо», как это и случается обычно в жизни, когда создается новая молодая семья. Для Германа гораздо важнее не общественное признание, а глубокое, преданное и ответное чувство любви от любимой женщины. Не случайно в том же небольшом предисловии мы читаем: «Среди бесчисленного количества звезд он легко находил те, которые лучились светом ее глаз» [1, с. 192]. Любовь – вот единственная живая сила, способная воскресить в человеке человека и являющаяся гарантом (как бы тривиально это не звучало) его душевного спокойствия. Красоту Вселенной доступно разглядеть не каждому, но только любящему сердцу. Автор делает сравнение: «Всматриваться в лицо любимой – все равно что изучать вселенную» [1, с. 192]. Эта метафорическая образность раскрывает важнейшее значение любви: светлое чувство способно

разглядеть в человеке все лучшее, что в нем есть, более того – оно одно дает ощущение радости от осязаемости прекрасного во всем мире.

В этом – персоноцентризм А.Н. Андреева; в святой вере в лучшее, что есть в человеке – антропология Ф.М. Достоевского, которая, казалось бы, представляет собой нечто другое, а по сути – является одним и тем же; в связи с этим следует отметить преемственность прозы современного писателя с традициями русской классической литературы.

Однако, здесь необходимо сделать «оговорку по Фрейдю». Персоноцентризм, ориентированный на сознательное отношение и познание, исключает, по мнению теоретика, проявление «низких» душевных свойств, чувств, эмоций нашего «Оно» (Id). В данном случае мы можем предполагать, что для писателя А. Андреева любовь либо тождественна «обожественному» разуму, и тогда теория персоноцентрической валентности находит логическое подтверждение в тексте, – либо любовь как проявление рассудочного и бессознательного вступает в некоторое противоречие с философской концепцией автора.

В нашем понимании, любовь как высшее проявление духовного, включает в себя не только механизмы рассудочного познания, но и – познания надличного (божественного), осуществляемого невидимыми «нитьями» бессознательного.

Чувствуя связь с бесконечностью, главный герой долгое время был томим этой загадкой. Вместе с тем Герман осознал: «В бесконечность надо входить через человека. Не через Бога» [1, с. 194]. Безусловно, имеется в виду – через любовь к другому человеку, которая «...долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (1 Кор. 13: 4–8). Иными словами, любовь способна «выкристаллизовать» душу: жертвуя своим, человек подчиняет себе свою волю, учится терпению и смирению во имя любимого. Результат стяжания духовного есть не что иное как слияние с божественным Логосом (Любовью), с бесконечностью. Для пушей убедительности приведем еще один стих из Евангелия: «Любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» (1 Ин. 4: 7–8). В нашем понимании Бог-Бесконечность-Любовь абсолютно паритетны, в художественной системе писателя паритетным выступают смысловые значения Бесконечность-Любовь: «Попадая в пространство любви, человек попадает в космос. Безмерность всего в человеке открывается только здесь. Безмерность ума, печали, радости, отчаяния, надежды, страха мы постигаем благодаря любви» [1, с. 220].

Главный герой повести знакомится с девушкой, которая его гораздо моложе. Следуя своим чувствам и мечте, Герман самозабвенно предается любви: «В мечтах он всегда крепко держал за руку женщину в облегающем пла-

ть» [1, с. 195]. Возлюбленную зовут Ева (др.евр. «дающая жизнь»). Автор не случайно выбирает это имя: Ева, любовь Германа, придает жизни смысл, человек в любви словно заново рождается. Однако в возрастном «мезальянсе» таится опасность, омрачающая непорочное и чистое чувство любви: «Странно: любовь, позволила ему наладить контакт со Вселенной. Все в жизни стало масштабным, значительным и отчего-то печальным» [1, с. 214]. «Печальным», по всей видимости, потому что «неравная» любовь казалась герою чем-то зыбким, эфемерным, ускользающим, он как бы осознает неизбежность расставания. Оправдывая и защищая свою любовь, Герман ведет незримый диалог с совестью, он понимает, какая ответственность ложится на его плечи за юную и хрупкую душу: «Он угадывал настроение облаков, солидарные порывы ветра; звезды лениво жмурились в неге наслаждения. Все было с ними заодно, потому что они были правы, у них чиста была совесть, и они никому не собирались причинить зла» [1, с. 214].

Трагедия героя – в конфликте между личностью и обществом (олицетворением которого в повести выступает отец девушки – Бронислав Леопольдович), осуждающим действия главного героя и видящим в отношениях дочери и «космического художника» только порочную связь. И тем не менее, Герман решается «бросить вызов» обществу не потому, что хотел что-то кому-то доказать, а потому, что человек рожден свободным и имеет право на счастье, на право любить и быть любимым.

Ретроспективно мы вновь обращаемся к предисловию: «Иногда на этом стерильном, торжественно-трагическом фоне возникал живой силуэт рыжей неухоженной лисы, крадущейся на трех лапках, и пропадал в созвездии Девы» [1, с. 192]. Образ «лисы на трех лапах» как психологический параллелизм повторяется в художественной структуре повести дважды: «Хищная челюсть капкана – это безвыходность, и эта стальная шутовина остается с мохнатой окровавленной лапкой, а хромая неказистая лиса – на свободе. Титову всегда хотелось пожать оставшиеся три лапы свободолюбивой огненно-рыжей лисе» [1, с. 221]. Лиса, как и главный герой, попадает в западню, но выходит из нее живой и свободной. Можно было бы выбрать другой вариант развития событий – «приспособленческий», прожить свою жизнь, согласуясь с нормами и моралью общества, однако в таком случае чувство любви было бы заглушено, не успев зародиться в душе главного героя. Именно дух свободной личности дает право ей жить настоящей жизнью с проявлением высших чувств. Образ лиса в повести А. Андреева невольно отсылает к образу Лиса в «Маленьком принце» А. де Сент-Экзюпери, знавшего, что ему придется расстаться с Мальчиком, но сознательно согласившимся быть прирученным и пережить боль расставания, и все только ради одного – ради того, чтобы почувствовать в себе живительные силы любви – неиссякаемого

источника жизни. И в мировой литературе, и в творчестве русскоязычного автора Беларуси А. Андреева Лис может быть выражением свободы и любви, ее символом, и даже – гимном.

Теперь можно говорить о триаде абсолютно паритетных понятий в художественном произведении А. Андреева: Бесконечность-Любовь-Свобода. Познать бесконечность можно через любовь, познать любовь может только свободный человек. Философия персонцентризма преломляется в повести в личностном выборе героя, осознающего неизбежность расставания, но предпринявшего попытки сохранить любовь и не поддавшегося общественному давлению. Квинтэссенция повести заключена в словах: «Гибель чего-то одного становится рождением чего-то другого. Да, да, это и есть формула бесконечности. Вселенная родилась оттого, что погибла звезда. Рождение через смерть: гармония» [1, с. 233].

Диалогическое завершение философия персонцентризма получает в научной вставке, по сути, в статье «Пространство и время», которая представляет собой философскую программу и вместе с тем эпилог произведения (который можно считать и прологом): «Человек един и вполне материален, заметим, но главное в нем – начало духовное; в начале духовном главное – любовь» [1, с. 225].

Литература

1. Андреев, А.Н. Вселенная не место для печали / А.Н. Андреев. – Книга повестей. – Мн., 2011. – 235 с.
2. Андреев, А.Н. Лекции по теории литературы: учеб. пособие для студентов вузов. – Мн., 2012. – 148 с.
3. Архиепископ, Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа, тело. Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, – М., 1997. – 54 с.
4. Евангелие. – М.: Благовест, 2011. – 608 с.